

Но когда на следующий день она отправилась в путь вместе с Тазуной, под платьем на ней была темная майка, которая никогда не должна была увидеть свет дня. Она взяла ее с собой только потому, что слышала, что утро в Стране волн будет сырым и прохладным, а она твердо верила в то, что нужно одеваться тепло. Сасукэ-кун был не из тех, кто считает дрожь милой, и, что бы там ни говорила Ино о том, что дрожь сжигает калории, она не хотела переступать черту.

Когда они почти дошли до моста, она спряталась за зданием и быстро стянула с себя платье, аккуратно сложив его и убрав в сумку. Когда она вышла, Тазуна уже закончил раздавать указания своей команде. Подойдя к нему, она провела ладонями по обнаженным рукам, чтобы согреться.

"Ну что, сегодня опять нас охраняешь?" Тазуна спросил ее в своей манере, его тон находился на грани между ворчливым поддразниванием и откровенной ворчливостью. Она нерешительно улыбнулась ему, потому что, честно говоря, не была уверена, что именно.

"Да, сэр", - ответила она.

"Ну что ж, тогда приступайте к делу", - сказал он, отмахиваясь от нее. Она подавила желание саркастически отсалютовать ему и вышла за периметр. Она бросила взгляд на бочки с чем-то - по запаху она догадалась, что это смола, - появившиеся за ночь, а также на мотки хлопка и веревки. Она вдруг вспомнила разговор, на который вчера не обратила особого внимания: несколько человек из команды собирались уехать после обеда, чтобы помочь другим членам общины отремонтировать и обслужить их маленькие потрепанные рыбацкие лодки до наступления сезона штормов. Тазуна была раздражена, но ворчала, что понимает необходимость поесть.

Убедившись, что ночью никто не саботировал мост и не устроил никаких ловушек, обнаруживаемых чувствами генина, она собралась, затянула волосы в узел и сделала первый тревожный шаг с вершины моста. На мгновение ей показалось, что она упадет, упадет и утонет в туманной воде, умрет и никогда не получит даже одного свидания с Сасукэ-куном.

Но она не упала и выиграла свидание с Сасукэ-куном.

Решившись, она сделала шаг, который привел ее в мир, где под ногами был твердый бетон, а там, где должно было быть небо, - море. Погрузиться в туман было все равно что попасть в облако, и если бы она не обладала сильным чувством ориентации, то была бы страшно дезориентирована. Она была уверена, что существует техника, позволяющая избежать утечки крови в мозг, но пока ей пришлось довольствоваться быстрой ходьбой к столбам, расположенным примерно посередине моста, где она могла хотя бы стоять в вертикальном положении, если бы уселась на опорные балки.

Первым делом она обратила внимание на чернила. Чернила, пропитанные чакрой, такие, какими пользуются ниндзя. И эти чернила, как она поняла в тот же миг, когда увидела пару шиноби, стоящих на коленях в центре конструкции и возившихся с чем-то, предназначались

для усиления и направления взрыва.

Сердце словно сжалось в кулак, и Сакура долго не могла вздохнуть, не могла думать, почти не имела рассудка, чтобы удержаться на ногах под мостом. Но тут один из них поднял голову, поймав ее взгляд.

Сумрачные сиреневые волосы обрамляли красивое лицо, но в его выражении не было ничего привлекательного. Когда он поднялся с корточек, она увидела, что разница в возрасте между ними невелика, но бесстрашие, дремавшее в этих серебристых глазах, не было похоже на то, что она видела в глазах своих одноклассников.

Почти прежде, чем она заметила его движение, в его руках появились ножи. Не кунаи, а ножи. Они были чужой для нее конструкции со странным изгибом лезвий, держались обратным хватом под углом 45 градусов к запястьям. Однажды она видела, как этот захват демонстрировали, хотя он и не входил в стандартную программу обучения в Академии. Движение вперед оставляло зияющую прореху, а обратный удар разрывал плоть более беспорядочно.

Странный паралич исчез, и все, о чем она могла думать, - это о том, что нужно бежать, добраться до места, где можно запустить сигнальные ракеты и где ей не грозит опасность упасть в любую минуту.

Сакура рванулась к краю моста, но не могла забыть, что оступиться - значит погибнуть, не могла потерять ту единственную точку опоры, которая удерживала ее от голодных вод внизу. Из-за этого она оказалась медленнее, чем могла бы, и он почти настиг ее, рванувшись вперед в мощном рывке. Внезапное отсутствие гулких шагов предупредило ее об опасности; она не столько уклонилась, сколько резко дернула телом в сторону, а одной рукой шлепнулась на мостовую, чтобы сохранить равновесие. Убийственного удара она избежала, но лезвие зацепилось за край губы и прочертило горячую линию по щеке.

Адреналин придал ей скорость, чтобы опередить второй нож, хотя перевес был достаточно мал, и она почувствовала, как лезвие неглубоко вонзилось в ее икру, когда ей удалось перевернуться на краю моста и броситься вверх. Ее глаза мгновенно окинули окружающую обстановку, и хотя главной мыслью было бегство, другие мысли не давали покоя, скорее по привычке, чем по расчету. Если бы не годы воспитания, ничто не смогло бы пробиться сквозь ее панику.

Но вид Тадзуны прервал ее планы бегства, потому что он и остальные работали в конце моста, и преследующий ее шиноби был не единственной угрозой. Ее ноги уже двигались, а разум отчаянно искал что-то похожее на план. Ничего не приходило в голову, но тело двигалось: она бежала в сторону города, потому что именно в этом направлении она и направлялась. Рука нащупала в подсымке сигнальную ракету, но острое лезвие, полоснувшее по тыльной стороне ладони, заставило ее выронить ее, и она бесполезно покатилась по мостовой.

Охотник по-прежнему не произносил ни слова, и его молчаливое, неумолимое преследование

было едва ли не хуже любых насмешек. Она с ужасом осознавала, что страх завязывается в груди тугим узлом, затягиваясь все туже. Она не обладала ни скоростью Сасуке-куна, ни выдержкой Наруто - в любой момент химических веществ, бурлящих в ее венах, будет недостаточно, чтобы подстегнуть ее.

Не думая, а просто реагируя, она резко рванула к бочкам с гудроном, каким-то образом умудрившись поднять одну из них и бросить в своего преследователя. Когда она повернулась, он был так близко, что у него не было места, чтобы уклониться, - только чтобы скрестить руки и защитить лицо. Может быть, дело было в том, что ее чакра вспыхивала неравномерно, а может, в чем-то другом, но ствол с хрустом поддался, тяжелый, как смола, жесткий, жар солнца еще не придавал ему особой вязкости, но все же достаточной, чтобы размазать его по рукам и лицу.

В этом не было никакой сознательной мысли, ничего, что можно было бы назвать планом, но она увидела колебания, нащупала еще одну сигнальную ракету, а затем...

Магний горел при температуре в несколько тысяч градусов и не мог быть потушен водой, из которой он мог черпать кислород, поэтому такие факелы использовались только в чрезвычайных ситуациях, да и то с крайней осторожностью на деревянных судах.

Температура воспламенения смолы была гораздо ниже.

Она хотела причинить ему боль, хотела, чтобы он не причинил ей вреда, но...

Это был кошмар: черная, кипящая масса, разъедающая его плоть, горящая одежда, запах паленой кожи, крик, вырвавшийся из его губ, ножи, которые тянулись к ней с тяжелым чувством неизбежности, несмотря ни на что. Не обращая внимания на жар, обжигающий ладони, она схватила его за запястья и сжала так сильно, что, клянусь, почувствовала, как заскрипели ее собственные кости.

Он кричал, но она почти не слышала его, только чувствовала, как вес и сила его тела гонят ножи по ужасной траектории. Они опускались, как сдвоенные клыки, намереваясь отплатить ей за боль. Из серебристых глаз ушло все ужасное безразличие, и на смену ему пришел дикий свет, а черты его лица настолько исказились, что он уже почти не выглядел человеком.

Чудесная сила, которой она обладала раньше, исчезла; теперь ее мышцы дрожали, и она знала, что не сможет сдерживать его до самой смерти. Ей говорили, что кто-то умрет в огне, но не предупреждали, что это может занять столько времени.

Но одну вещь она помнила еще по Академии. Она отпустила одну руку, уклоняясь от ножа, когда его понесло вперед, и, воспользовавшись моментом, переключила хват на его запястье и вогнала другой нож в плоть и кости. Он упал вперед, все еще горящий, все еще кричащий, все еще умирающий, и она с ужасом и жалким хныканьем подхватила нож, не погребенный под трупом.

Она и не думала поджигать Какаши-сенсея, даже не собиралась в тот момент разбираться с другим шиноби. Маленькие капельки кипящей смолы прыгали к ней, и, словно свинина, жарящаяся на сковороде, кипящий жир человеческого инферно рисовал пятна на ее рубашке. Маленькие язычки пламени пытались закрепиться в ткани, и это им не очень-то удавалось, поскольку ткань была обработана, но для разума не хватало места, когда воспоминания о горящем человеке были так близко.

Она была в огне, и все, о чем она могла думать, - это потушить его. Сакура едва не бросилась за край моста, лишь в последний момент вспомнив в панике, что падение с такой высоты может закончить то, что начал ее сереброглазый охотник. Она продолжала видеть эти глаза, смотреть, как кипит его кожа, даже когда ее глаза едва могли сфокусироваться, чтобы разглядеть опору. Она больше скользила, чем поднималась, ее чакра все еще была неуверенной, и она погрузилась в холодную воду.

Это лишь сменило один вид паники на другой, потому что на мгновение она не вспомнила, как плавать, чуть не захлебнулась и не утонула, но первого прикосновения воды к зубам хватило, чтобы она зашипела и рванулась к поверхности. Плыть было не очень приятно, и только удача помогла ей не порезаться о нож, который она держала в смертельной хватке. Она добралась до столба и отчаянно за него ухватилась.

Кто-нибудь, спасите меня, - только и успела подумать она. Пожалуйста, кто-нибудь, спасите меня. Но не было ни крика заверения, ни намека на спасение, только узор, похожий на уродливую черную паутину, протянувшуюся по нижней части моста. И еще один враг.

Она уже тяжело отходила от адреналинового кайфа, мышцы дрожали, волосы падали на лицо. Порезы на лице и на тыльной стороне руки вопили о соленой воде, и она все еще видела белые солнца.

Но больше никого не было.

Только Сакура.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3438542>